

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ: 1 и 16 ЧИСЕЛЪ.

Подписка принимается въ Редакціи,
при Пензенской Семинаріи.

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей
безъ доставки 4 р. 50 к. съ пере-
сылкою 5 руб.

15 Іюня № 12. 1875 г.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНДА.

Отъ 12 Марта 1875 г.— Съ „Собраніемъ постановленій Свя-
тѣйшаго Сунда относительно устройства духовныхъ семи-
нарій и училищъ согласно требованіямъ духовно-училищныхъ
уставовъ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
Святѣйшій Правительствующій Сундъ слушала предложеніе
Господина Сундальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30-го Ян-
варя сего года, № 31, съ журналомъ Учебнаго Комитета и

слѣдующими къ оному печатными экземплярами „Собрания постановлений Святѣйшаго Синода 1867—1874 г. г. относительно устройства духовныхъ семинарій и училищъ согласно требованіямъ Высочайше утвержденныхъ 14 Мая 1867 года духовно-училищныхъ уставовъ“. Книга эта, какъ изъяснено въ журналѣ Учебнаго Комитета, заключаетъ въ себѣ всѣ важнѣйшія постановленія Синода по духовно-училищной части съ 1867 по 1874 годъ включительно. Въ основаніи этой книги находятся параграфы семинарскаго и училищнаго уставовъ, а при нихъ помѣщены соотвѣтствующія имъ постановленія Святѣйшаго Синода. И, по справкѣ, Приказалъ: Составленное Учебнымъ Комитетомъ „Собрание постановлений Святѣйшаго Синода 1867—1874 г. г. относительно устройства духовныхъ семинарій и училищъ согласно требованіямъ Высочайше утвержденныхъ 14 Мая 1867 года духовно-училищныхъ уставовъ“, какъ заключающее въ себѣ всѣ постановленія Синода, данныя въ разъясненіе духовно-училищныхъ уставовъ, разослать, при печатномъ указѣ, къ надлежащему руководству и исполненію со стороны семинарскихъ и училищныхъ Правленій, а также Съѣздовъ духовенства по принадлежащимъ имъ дѣламъ духовно-учебныхъ заведеній: а) по одному экземпляру для Епархіальныхъ Преосвященныхъ и ихъ Викаріевъ, б) по одному экземпляру въ духовныя Академіи, в) по четыре экземпляра въ семинаріи, г) по три экземпляра въ духовныя училища и д) по одному экземпляру въ духовныя Консисторіи.

Отъ 12 Марта 1875 г. — О допущеніи къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ „Обзора философскихъ ученій“ Линичкаго и „Русско-французскаго словаря“ Макарова.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложен-

выне Господиномъ Оберъ-Провуроромъ два журнала Учебнаго Комитета: *первый* № 264, во допущеніи какъ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ сочиненія экстраординарнаго профессора кievской духовной академіи Петра Ливицкаго: „Обзоръ философскихъ ученій“ (Кіевъ 1874 г.); и въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи сего предмета, и *второй*, № 271, по возможности одобренія для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособия по французскому языку составленной Н. Макаровымъ „Русско-французской части“ Международныхъ Словарей для среднихъ учебныхъ заведеній“ (С.-Петербургъ 1874 г.). Приказали: Заключенія Учебнаго Комитета утвердить, и, для объявленія о семъ Правленіямъ духовныхъ семинарій, послать при печатномъ указѣ епархіальнымъ Преосвященнымъ копии съ журналовъ Комитета.

Копія.

ЖУРНАЛЬ

Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, за № 264.

О сочиненіи экстраординарнаго профессора кievской духовной академіи Петра Ливицкаго: „Обзоръ философскихъ ученій.“ (Кіевъ 1874 г.)“

Обзоръ философскихъ ученій есть предметъ новый въ духовныхъ семинаріяхъ и, безспорно, довольно трудный для преподаванія, какъ по новости его въ кругу наукъ семинарскаго курса, такъ и по своеобразной его задачѣ. Предметъ его

составляютъ собственно философскія направленія, извѣстныя подъ именемъ идеализма, матеріализма, пантеизма и др. Но какъ характеръ отдѣльнаго человѣка и направленіе извѣснаго общества въ то или другое время можно понять только чрезъ наблюденіе надъ отдѣльными фактами ихъ жизни, такъ и философскія направленія можно изучить только на основаніи фактовъ т. е. философскихъ ученій или системъ. Безъ сомнѣнія каждое изъ этихъ направленій, не смотря на все разнообразіе подходящихъ подъ него философскихъ системъ, имѣетъ нѣкоторыя общія черты, такъ сказать родовые признаки, составляющіе его типъ, его характеристическую особенность, которая отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ направленій. Но ограничиться кругомъ только этихъ общихъ признаковъ значило бы остаться при поверхностномъ обзорѣ, который почти ничего не внесъ бы въ философское образованіе и былъ бы только изъясненіемъ словъ или названій, обозначающихъ различныя направленія. Напримѣръ, идеализмъ, по отношенію къ вопросу о знаніи, есть такое философское направленіе, при которомъ идеи принимаются единственнымъ источникомъ и критеріемъ знанія. Все прочее, что служитъ къ болѣе подробному и обстоятельному выясненію этого опредѣленія, принадлежитъ къ тѣмъ особенностямъ, которыя выражаются въ различныхъ философскихъ ученіяхъ съ идеалистическимъ направленіемъ и составляютъ видовое отличіе однѣхъ изъ этихъ системъ отъ другихъ и индивидуальное отличіе каждой изъ нихъ отъ всѣхъ другихъ философскихъ ученій, относящихся къ тому же роду и виду. Поэтому для изученія и изъясненія различныхъ философскихъ направленій необходимо изученіе и изложеніе многихъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ философскихъ ученій, служащихъ выраженіемъ этихъ направленій. Такимъ образомъ научно-поставленный Обзоръ философскихъ ученій располагаетъ тѣмъ же матеріаломъ, какъ и исторія философіи, и отличается отъ послѣдней (кромѣ объема) только особымъ

способомъ изложевія, который состоитъ въ систематическомъ распредѣленіи и разсмотрѣвнн философскихъ ученій сообразно съ главными направленіями, какія принимало философствующее мышленіе при разрѣшеніи основныхъ вопросовъ знанія и нравственно-практической дѣятельности. Исторія философіи составляетъ научный матеріалъ, изъ котораго преподаватель обзора философскихъ ученій долженъ брать то, что необходимо для его цѣли, и который онъ долженъ расположить особеннымъ образомъ, сообразно съ требованіями своей спеціальной задачи. Но такъ какъ выводы философскія ученія изъ той естественной связи, въ которой они развивались одно изъ другаго или одно за другимъ по законамъ логической послѣдовательности и подъ вліяніемъ общаго культурнаго развитія, пришлось бы разорвать исторію философіи на части, которыя потомъ связывались бы между собою не естественными историческими, но искусственными систематическими связями, и такъ какъ такое полное устраненіе историческихъ связей невыгодно отозвалось-бы на ясности изложенія философскихъ ученій: то въ программѣ философскихъ ученій признано необходимымъ, чтобы преподаватели этого предмета въ семинаріяхъ, во введеніи къ нему, давали слушателямъ въ краткомъ очеркѣ общее понятіе о преемствѣ и соотношеніи философскихъ ученій и школъ древняго и новаго времени. Не входя въ содержаніе Обзора философскихъ ученій и не составляя части онаго, они должны быть изложены въ кругу предварительныхъ свѣдѣній, которыя предшествуютъ изложенію самой науки. Въ противномъ случаѣ, если-бы изложеніе исторіи философіи введено было въ самый обзоръ философскихъ ученій, какъ его особая и самостоятельная часть, вышло бы вмѣсто одной двѣ науки, или по крайней мѣрѣ одна и таже наука преподавалась бы два раза, по двумъ разнымъ методамъ, сначала въ видѣ исторіи философіи, потомъ въ видѣ обзора философскихъ ученій.

Между тѣмъ авторъ разсматриваемаго сочиненія составилъ и издалъ подъ именемъ «Обзора философскихъ ученій» именно двойной курсъ — исторіи философіи (первая часть сочиненія) и обзора философскихъ ученій (вторая часть сочиненія). Онъ говоритъ, что „принужденъ былъ войти въ нѣкоторыя подробности, безъ которыхъ ни общій ходъ развитія философіи, ни отличительныя черты каждой отдѣльной эпохи не могутъ быть представлены съ достаточною ясностью и основательностью. Поэтому очеркъ исторіи философіи получилъ столь значительный объемъ, что оказалось необходимымъ сдѣлать изъ него самостоятельную часть отдѣльную отъ введенія.“

Какъ бы ни были уважительны его побужденія съ теоретической точки зрѣнія, но представленный имъ двойной курсъ одной и той же науки, для однихъ и тѣхъ же слушателей, ни по своей задачѣ, ни по своему объему не соотвѣтствуетъ постановкѣ этого учебнаго предмета въ духовныхъ семинаріяхъ.

Подтвержденіемъ того, что не было настоящей необходимости въ расширеніи предметовъ, образовавшихъ въ его сочиненіи особую (первую) часть, служатъ 1) то, что многія философскія ученія излагаются имъ въ той или другой части одинаково пространно, или съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями. Это можно сказать объ изложеніи философскихъ ученій Бэкона, Декарта, Платона, Аристотеля и др.; 2) другія философскія ученія разорваны такимъ образомъ, что во второмъ отдѣлѣ излагаются тѣ части ихъ, которыя требуются программой, а въ первомъ отдѣлѣ — то изъ сихъ ученій, что не входитъ непосредственно въ задачу обзора. Авторъ, конечно, имѣлъ въ виду пополнить такимъ образомъ одинъ отдѣлъ другимъ и дать полное изложеніе философскихъ ученій; но онъ могъ бы достигнуть той же цѣли другимъ способомъ, болѣе естественнымъ и соотвѣтственнымъ съ программой, именно краткимъ изложеніемъ во второмъ

отдѣлъ тѣхъ сторонъ философскаго ученія, которыя не входятъ прямо въ содержаніе Обзора, но могутъ служить къ выясненію того, что требуетъ я программу; 3) между первымъ и вторымъ отдѣлами нѣтъ надлежащаго соотношенія и соответствія. Въ первомъ излагается много такого, что не имѣетъ никакого отношенія ко второму отдѣлу и не требуется его задачею; на примѣръ—подробности объ опредѣленіи драматическаго искусства у Аристотеля; схоластическіе споры объ общихъ понятіяхъ; діалектическія тонкости Раймунда Луллы и пр.; и на оборотъ, во второй части излагаются философскія ученія, о которыхъ не сказано ни одного слова въ первой части, напри мѣръ о Якоби, о Ридѣ и шотландской школѣ, о позитивной философіи и пр.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній рассмотримъ ту и другую часть въ отдѣльности.

Въ „предварительныхъ понятіяхъ о философіи“ въ § 1-мъ авторъ говоритъ, что „опредѣленнаго предмета философія не имѣетъ, но при всякомъ предметѣ она имѣетъ въ виду разъяснить только общее и существенное“. Въ § 4-мъ авторъ также говоритъ, что „философія не имѣетъ спеціальнаго предмета и это составляетъ ея отличительную черту.“ Авторъ, повидимому, не точно выразился. Не можетъ быть науки безъ опредѣленнаго предмета, и такой предметъ есть для философіи. Это—тѣ основные вопросы знанія, къ разрѣшенію которыхъ направляется философское мышленіе, когда ищетъ въ предметахъ и явленіяхъ общаго и существеннаго. Говоря въ § 2-мъ, что философія входитъ во всякую науку какъ существенный элементъ, „авторъ даетъ поводъ смѣшивать философское направленіе отдѣльныхъ наукъ съ философіею, какъ самостоятельною наукою. Въ этомъ смыслѣ можетъ быть философія исторіи, философія религіи и проч., но философія существуетъ независимо отъ нихъ, какъ отдѣльная и самостоятельная область знанія, имѣющая свой особый предметъ и свою особую задачу. Въ § 4-мъ, авторъ говоритъ,

что „философія, удаляясь отъ всякой опредѣленной сферы въ область метафизики, стремится къ разрѣшенію вопросовъ неразрѣшимыхъ и потому ея усилія постоянно остаются тщетными“. На это можно сказать, что философія со всѣми науками раздѣляетъ одинаковую судьбу, опредѣляемую границами человѣческаго ума и знанія. Развѣ мы знаемъ и узнаемъ когда нибудь, что такое свѣтъ, электричество и прочія невѣсомныя силы; что такое—что называется инстинктомъ животныхъ; въ чемъ состоитъ жизнь организмовъ, и проч.; и однакожь это не мѣшаетъ успѣхамъ человѣческаго знанія и не дѣлаетъ попытокъ человѣческаго ума къ познанію вещей и явленій природы тщетными. Отчего же авторъ выдѣляетъ изъ круга другихъ наукъ философію, обрекая ее одну на сизифову работу? Успѣхи философіи въ постановкѣ ея вопросовъ, равно какъ въ опытахъ разъясненія и разрѣшенія ихъ, устраняютъ отъ нея упрекъ въ бесплодности ея стремленій.

Въ древней греческой философіи авторъ различаетъ три періода, обозначая только хронологически ихъ границы и не дѣлая никакихъ поясненій для научнаго оправданія своего плана.

Личность Сократа представлена односторонне: „Задачею общественной дѣятельности Сократа, говоритъ авторъ, было возбуждать въ обществѣ потребность знанія, которая его самого одушевляла больше всѣхъ. Сократъ сознавалъ въ то же время, что и онъ не обладаетъ также знаніемъ, котораго искалъ и не находилъ у другихъ. Вотъ почему, въ противоположность мнимому всезнанію софистовъ, въ своихъ собесѣдованіяхъ онъ постоянно имѣлъ въ виду не сообщеніе знанія, котораго не имѣлъ, а исканіе его совокупными силами посредствомъ методическаго разбора мнѣній.“ Точка зрѣнія автора на Сократа довольно своеобразна, но исторически не вѣрна, потому что одностороння. Сократъ искалъ знанія не въ толпѣ собесѣдниковъ, но въ глубинѣ собствен-

наго духа, изъ него-то чрезъ самопознаніе извлечь то, что показало ему пустоту знанія софистовъ и было его руководящимъ принципомъ въ собесѣдованіяхъ съ другими. Философія Сократа не есть только методическое совокупленіе и расчисленіе понятій, но есть нравственный принципъ жизни, добра, служеніе Богу. — Непосредственно предъ симъ авторъ укорилъ софистовъ за то, что они утверждали условность мнѣній, „не понимая, что въ разумѣ есть такія безусловныя нормы, которыя должны служить основаніемъ для оцѣнки случайныхъ мнѣній.“ Считая эти понятія общеизвѣстными во время софистовъ, авторъ послѣдовательно не признаетъ въ этомъ заслуги Сократа, который однако всю жизнь трудился надъ выясненіемъ этихъ понятій, въ чемъ и состоитъ его историческое значеніе. „Тоже стремленіе къ знанію, говоритъ авторъ, составляетъ сосподствующую черту въ философіи Платона.“ По такому взгляду автора Сократъ, конечно, не могъ передать Платону другаго наслѣдства, кромѣ стремленія къ знанію. Но Платонъ получилъ отъ своего наставника много больше, цѣльность взгляда на жизнь, при которой философія была дѣятельностію не одного ума, но всѣхъ силъ души, всей нравственной природы человѣка. Послѣ—аристотелевскія школы, стоическая и эпикурейская, производятся непосредственно отъ малыхъ сократическихъ школъ, цинической и киривейской (киренской), между тѣмъ какъ они возникли послѣ Платона и Аристотеля и подъ вліяніемъ ихъ ученій.

Александрійская философія характеризуется слѣдующимъ образомъ: „сознаніе недостаточности философіи для удовлетворенія религіозной потребности составляетъ исходный пунктъ въ александрійской философіи. Божество, по ученію этой философіи, выше всего существующаго и познаваемаго въ этомъ видимомъ мірѣ. Міръ настолько не совершенъ, на сколько совершенно Божество. Безконечное разстояніе раздѣляетъ ихъ“. Потомъ, почти вслѣдъ за этимъ, авторъ гово-

рять: „въ порядкѣ, гармоніи, красотѣ міроустройства отражается также нѣкоторое подобіе совершенствъ божественныхъ. Поэтому возможно и въ этомъ мірѣ подняться до высоты непосредственнаго созерцанія Божества и общенія съ нимъ. Путь къ этому пролагаетъ философія.“ По видимому это противорѣчитъ сказанному прежде.—Странно также, что ученіе неоплатонической философіи изложено не здѣсь, а въ одномъ изъ подстрочныхъ примѣчаній къ обзору схоластической философіи.

Средневѣковая философія для задачи учебника слишкомъ обширна; но по существу научныхъ требованій въ ней изложены не всѣ, даже главнѣйшіе, моменты развитія этой философіи. Изъ чтенія этого отдѣла не выносятся полного и общаго взгляда на схоластику, и почти всѣ средневѣковыя философскія ученія сводятся къ перипетіямъ споровъ между реалистами и номиналистами о значеніи общихъ понятій.

Въ обзорѣ новой философіи изложеніе недовольно стройно. Къ XVIII вѣку французской философіи, не вѣрно названной авторомъ *просвѣтительною*, приурочены ученія Гуго-Гроція (1553—1645 г.) и англійскихъ мыслителей *Гоббса* (1588—1679) и *Шербюри* (1681—1648 г.). Историческое изложеніе деизма, для цѣлей собственно разбора этого направленія, требуемаго второю частію, должно бы быть нѣсколько обстоятельнѣе. Нѣмецкая философія XVIII-го вѣка такъ представлена, что „въ ней не было ни историческаго смысла, ни пониманія искусства и поэзіи.“ Между тѣмъ въ Германіи въ вѣкъ *просвѣщенія* были *Лессингъ* (1729—1781) и *Гердеръ* (1744—1803).

Во второй части сочиненія авторъ вообще слѣдуетъ программѣ, но въ частностяхъ нѣсколько измѣняетъ ее.— По вопросу о сущности бытія программу намѣчены два главныхъ направленія, *идеализмъ* и *реализмъ* съ подчиненными видами. Авторъ въ началѣ § 51-го также признаетъ эти два главныхъ направленія, но на концѣ того же параграфа говоритъ иное:

„изъ означенныхъ здѣсь направлений первоначальныя и основныя суть *материализмъ и идеализмъ*; напротивъ такъ называемый реализмъ и спекулятивный идеализмъ суть видоизмѣненія первыхъ двухъ, т. е. материализма и идеализма.“ Очевидно, здѣсь противорѣчiе. Такое же противорѣчiе представляется въ понятiи о реализмѣ. „Когда реализмъ, признавая ближайшимъ для насъ познанiе внутренняго нашего существа, на этомъ основанiи внутренне наблюдение противопоставляетъ внѣшнему, какъ достовѣрнѣйшій источникъ для рѣшенiя вопроса о сущности, и въ связи съ этимъ опредѣленiя заимствуетъ изъ области самопознанiя или самонаблюденiя, то получается новый видъ рѣшенiя вопроса о сущности, *отличный отъ материализма* (хотя въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ соприкасается съ *атомическимъ материализмомъ и даже есть видоизмѣненiе этого послѣдняго*), который и есть въ собственномъ смыслѣ реализмъ. Реализмъ опредѣляетъ сущность какъ простую, индивидуальную и *не материальную реальность*.“ Нельзя не сознаться, что и здѣсь есть противорѣчiе.—Подводя далѣе подъ направление идеализма философскiя ученiя элейской и пифагорейской школъ Платона, Аристотеля, Декарта и Спинозы, авторъ дѣлаетъ слишкомъ смѣлыя обобщенiя. Элеаты съ общимъ понятiемъ *бытiя*, какъ сущности вещей, Пифагорейцы съ понятiемъ числа, какъ *формы* вещей, Платонъ съ ученiемъ объ *идеяхъ*, какъ родовыхъ сущностяхъ, еще могутъ быть поставлены въ одной группѣ, потому что ищутъ разрѣшенiя вопроса о сущности бытiя въ *отвлеченныхъ* понятiяхъ, образуемыхъ мышленiемъ. Но поставить въ одинъ рядъ съ ними Аристотеля, опровергавшаго Платоново ученiе объ *идеяхъ*, какъ сущностяхъ вещей, и считавшаго идеи не отдѣлимыми отъ вещей, какъ ихъ формы, значитъ переступить границы даже смѣлаго обобщенiя. Справедливо, что ученiе Аристотеля не составляетъ полной противоположности съ ученiемъ Платона: но также справедливо, что Аристотель ищетъ сущности ве-

щей не въ отвлеченныхъ понятіяхъ, но въ живой дѣйствительности отдѣльныхъ вещей. О Декартѣ авторъ самъ говоритъ, что „его идеализмъ существенно различается отъ прежнихъ формъ этого направленія по своему принципу“. О Спинозѣ еще болѣе слѣдуетъ сказать тоже самое. Они могли бы быть поставлены въ особую группу, среднюю между древними и новѣйшими идеалистами, или могли бы быть отнесены въ послѣднимъ, съ чѣмъ вмѣстѣ болѣе сохранилась бы и стройность историческаго изложенія.—Раскрывая направленіе спекулятивнаго идеализма, авторъ относитъ сюда ученія Шеллинга и Гегеля. Непонятно, почему онъ не отнесъ сюда также философіи Фихте, которая принадлежитъ къ этому направленію по своему существу и безъ которой едва ли могутъ быть понятны философскія ученія Шеллинга и Гегеля. Авторъ самъ признаетъ это, когда при изложеніи и критикѣ философскихъ ученій Шеллинга и Гегеля постоянно обращается къ философіи Фихте. Изъ философскихъ ученій съ реалистическимъ направленіемъ авторъ исключаетъ Аристотеля, дѣлая это, какъ выше показано, безъ достаточнаго основанія; за тѣмъ послѣ Лейбница вноситъ сюда Гербарта, но излагаетъ его ученіе слишкомъ пространно.

Способъ изложенія автора не вполне соотвѣтствуетъ цѣли учебника. Его сочиненіе есть ученый трудъ, рассчитанный на довольно значительную степень философскаго образованія читателей. Усвоеніе философскихъ ученій по этому изложенію было бы затруднительно для учениковъ семинаріи, если бы они должны были пользоваться разсматриваемою книгою, какъ учебникомъ. Другой недостатокъ изложенія есть его обширность. Философскія ученія излагаются во всемъ ихъ развитіи, со всеми подробностями, между тѣмъ какъ въ учебникѣ для среднихъ учебныхъ заведеній нужно краткое изложеніе сущности философскихъ ученій. Независимо отъ указанныхъ недостатковъ, сочиненіе Ливницкаго есть трудъ серьезный и почтенный. Какъ профес-

соръ академіи, авторъ владѣеть обширными и основательными свѣдѣніями въ исторіи философіи и только не довольно приспособилъ ихъ къ спеціальнымъ особенностямъ изложенія, требуемаго отъ учебника. Такихъ научныхъ погрѣшностей, которыя можно было бы прямо поставить въ вину автора, нѣтъ въ его сочиненіи, исключая развѣ упомянутыя выше противорѣчія, которыя, по недосмотру его, остались не сглаженными. Къ программѣ г. Ливицкій отнесся весьма осмысленно. Изложеніе философскихъ направленій повсюду точно и отчетливо. Разборъ и критика ихъ вполне основательны.

На основаніи вышеизложеннаго Учебный Комитетъ полагалъ бы—составленную экстраординарнымъ профессоромъ кievской духовной академіи П. Ливицкимъ книгу: „Обзоръ философскихъ ученій (Кіевъ 1874 т.)“ одобрить для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго пособия при преподаваніи Обзора философскихъ ученій.

Редакторы, Преподаватели духовной Семинаріи: { А. Поповъ.
{ Н. Смирновъ

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

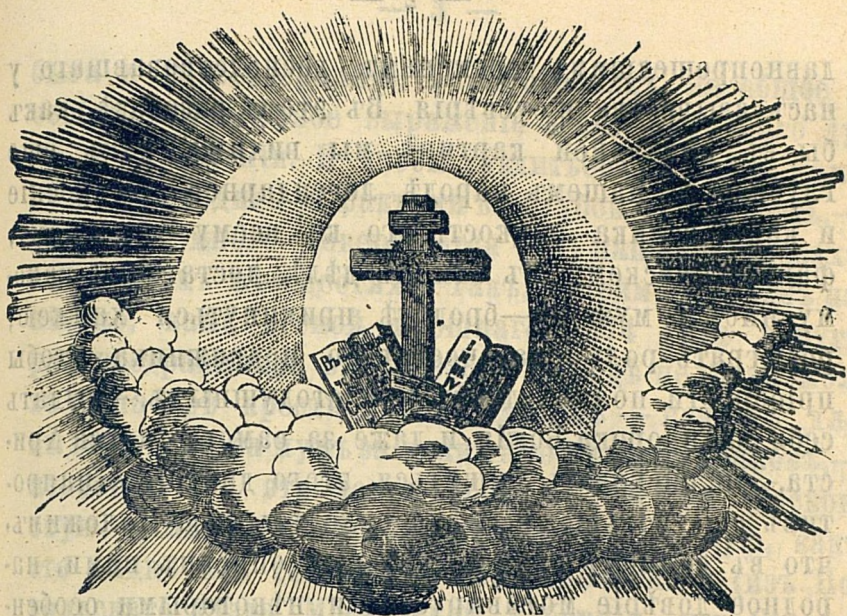
БРОДЯГА, НАЗВАВШИСЯ ХРИСТОМЪ

Въ разсказѣ—„Бродяга, назвавшійся Христомъ“—прежде всего вниманіе наше поражается тѣмъ фактомъ, что

Дозволено цензурою. Пенза, 1875 г. Іюня 15 дня.

Цензоръ: Учитель Семинаріи, Свящ. М. Шестаковъ.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 Іюня № 12 1875 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

БРОДЯГА, НАЗВАВШІЙСЯ ХРИСТОМЪ *).

Въ разсказѣ—„Бродяга, назвавшійся Христомъ“— прежде всего вниманіе наше поражается тѣмъ фактомъ, что даже теперь, спустя цѣлую тысячу лѣтъ, послѣ просвѣщенія Руси хрістіанствомъ, возможны такія явленія, которыя были свойственны только

*) Окончаніе. См. № 9-й.

давнопрошедшимъ временамъ господствовавшаго у насъ язычества и суевѣрія. Въ этомъ разсказѣ, какъ бы въ наглядной картинѣ мы видимъ, какъ еще глубоко въ нашемъ народѣ легендарное настроеніе и какъ велика падекость его ко всему чудесному, фантастическому. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно какому нибудь мужику—бродягѣ прикинуться ханжею, разыграть роль благочестиваго подвижника, чтобы приобрѣсти полное довѣріе простодушныхъ,—выдать себя за пророка Божія и даже за самого Іисуса Христа,—не рисковать лишиться этого довѣрія,—напротивъ еще больше, всецѣло овладѣть имъ. Положимъ, что въ данномъ случаѣ, который описанъ нами, народное довѣріе мотивируется и нѣкоторыми особенными причинами, вытекающими изъ современныхъ условій крестьянскаго быта.—Но если бы уровень народнаго развитія былъ выше современнаго, если бы нашъ народъ вышелъ изъ періода легендарнаго настроенія и всякаго суевѣрія, тогда, какъ бы ни былъ тяжелъ его бытъ, онъ посмотрѣлъ бы на разглагольствованіе странника просто какъ на безсѣстное и невѣжественное шарлатанство,—не болѣе. Стало бытъ, главная причина явленій, подобныхъ описанному нами,—эта, такъ сказать, производительная почва, на которой возможны такіе безобразные продукты, заключается въ непроходимомъ невѣжествѣ народа, въ его младенческой наклонности ко всему чудесному и суевѣрному. Поэтому на описанный нами случай нельзя смотрѣть, какъ на случай исключительный, который можно было бы объяснить извѣстными только мѣстными условіями народнаго

быта и міросозерпанія, а скорѣе какъ на общее и особенно рельефное выраженіе всего народнаго духа и настроенія. И чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ не нужно ходить за фактами въ глубокую древность, — ихъ такъ много совершается на нашихъ глазахъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Такъ, на примѣръ, всемъ извѣстно, какъ весной прошлаго 1874 года вдругъ распространилась въ простомъ народѣ нелѣпная молва о наборѣ крестьянскихъ дѣвицъ — невѣсть для выдачи ихъ за мужъ за какихъ-то бѣлыхъ араповъ, — извѣстно, что эта молва обошла губерніи Московскую, Самарскую, Симбирскую и Пензенскую, какъ это видно изъ газетныхъ корреспонденцій (изъ Подольскаго уѣзда Московской губерніи, изъ Ставрополя Самарской губерніи, и изъ г. Симбирска), и чѣмъ далѣе шла, тѣмъ болѣе увеличивалась и, варвируясь въ разныхъ мѣстахъ, повергла крестьянъ въ большую тревогу. Откуда же произошла такая молва? Газетные корреспонденты сообщали, что какой-то неизвѣстный человѣкъ, проходя по городамъ и селамъ, читалъ народу какой-то указъ о наборѣ крестьянскихъ дѣвицъ и *собиралъ деньги за избавленіе послѣднихъ отъ замужней повинности*, — что, собравъ довольно денегъ въ одномъ мѣстѣ, уходилъ въ другое, изъ одной губерніи въ другую, но что и по уходѣ его слухъ не только не прекращался, а проникалъ и въ тѣ мѣста, гдѣ онъ не былъ, и рассказы-вался народомъ на разные лады. Въ одной мѣстности, на примѣръ, толковали, что наша царевна вышла за иностраннаго принца, у котораго въ подданствѣ находятся бѣлые арапы и все мужчины, а жен-

щинъ нѣтъ, и потому крестьянскихъ дѣвицъ по одной съ каждаго двора погонять на Амуръ и выдадутъ тамъ за этихъ араповъ; — въ другой — что у принца есть полки изъ бѣлыхъ араповъ и что дѣвицы крестьянскія предназначаются въ жены этимъ храбрымъ воинамъ; — въ третьей, именно въ Пензенской губерніи, говорили, что нашу царевну отдали за мужъ въ страну, гдѣ нѣтъ русскихъ и вотъ, чтобы ей было тамъ не скучно, царь велѣлъ набрать крестьянскихъ дѣвицъ — невѣсть и отправить ихъ къ ней для разведенія тамъ русскихъ. Какъ не странною представляется эта молва, но она для многихъ крестьянскихъ дѣвицъ имѣла весьма печальныя послѣдствія, — многіе родители въ видахъ освободить ихъ отъ замужней повинности, спѣшили отдавать ихъ за перваго подвернувшагося жениха, за вдовцовъ, бобылей и пьяницъ *). Намъ лично во время пребыванія нашего въ деревнѣ, приходилось разувѣрять въ этой молвѣ крестьянъ, приходившихъ къ намъ спросить, справедлива эта молва, или нѣтъ и поснѣшить ли имъ выдавать за мужъ своихъ дочерей, или повременить. Здѣсь мы должны съ прискорбіемъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ селахъ, какъ намъ извѣстно, приходскіе священники мало старались разъяснить крестьянамъ всю нелѣпость этой молвы. А вотъ и другаго рода свѣжій фактъ, подтверждающій крайнюю склонность народа ко всему чудесному и легендарному. Онъ описанъ въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1874 годъ.

*) См. Отечеств. Зап. 1874 г. кн. 7. въ ст. „Современныя Замѣтки“.

Нѣкоторые изъ жителей Рогозинскихъ хуторовъ, рассказываетъ тамъ, возвратясь 9 Мая съ храмоваго праздника сель Кучиновки и Городища, Сосницкаго уѣзда, распустили слухъ, что въ Кучиновѣ одинъ крестьянинъ накупилъ иконъ у, такъ называемыхъ, іерусалимскихъ грековъ и, освятивъ, поставилъ ихъ на божницу. Когда же пришла ночь, онъ услышалъ на божницѣ шумъ и возню, — засвѣтивъ лучину, онъ однако ничего не увидѣлъ и шумъ прекратился; но на слѣдующую ночь возня на божницѣ опять повторилась. Мужикъ перепугался и на третью ночь уже пригласилъ къ себѣ постороннихъ, которые въ полночь дѣйствительно услышали на божницѣ шумъ и замѣтили при этомъ, что *будто наши русскія иконы бились съ іерусалимскими*. Вслѣдствіе этого крестьянинъ вывезъ іерусалимскія иконы за село, въ болото, — воткнулъ въ кулъ соломы и подпалилъ..... изъ пламени будто вылетѣло что-то черное и полетѣло въ дремучіе лѣса. Услышавъ объ этомъ, и жители другихъ хуторовъ снесли на сборный пунктъ восемь такихъ иконъ, сняли съ нихъ стекла и разрубили ножомъ на нѣсколько частей бумажныя рамки. На одной рамѣ кто-то изъ мужиковъ прочиталъ: „Царь Иродскій“ и изъ этой подписи всѣ заключили, что народился царь иродскій, рисующій образа сажей (иконы были писаны на фольгѣ тушью, разведенною въ водѣ) и чрезъ своихъ нечестивыхъ слугъ развозить ихъ, вводя въ грѣхъ православныхъ. Потомъ поставили иконы въ шеренгу и перекололи ихъ палками. Епархіальныя Вѣдомости замѣчаютъ при этомъ, что случись тутъ іерусалимскіе греки, они навѣрное

не спаслись бы отъ побоевъ и насилій развирѣтившихъ крестьянъ. Эта склонность простаго народа къ чудесному и фантастическому недавно привела нѣкоторыхъ изъ простыхъ людей даже въ Окружный Судъ, — такъ изъ газетныхъ извѣстій *) мы знаемъ, что въ Воронежскомъ Окружномъ Судѣ весной прошлаго года судился и былъ присужденъ къ ссылке одинъ крестьянинъ за распространеніе ложныхъ чудесъ. Читая подобные рассказы о народѣ, чувствуешь себя какъ бы перенесеннымъ въ мифологическій періодъ язычества и всякаго суевѣрія и не хочешь вѣрить тому, что напротивъ уже тысячу лѣтъ прошло, какъ этотъ народъ носитъ званіе и имя христіанское.

Послѣ этого каково же, скажутъ, положеніе духовнаго пастыря поставленнаго дѣйствовать въ такой мрачной, миѣически настроенной средѣ народной? Какой успѣхъ онъ можетъ имѣть въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія такихъ темныхъ массъ народныхъ, хотя бы у него и не было даже недостатка въ усердіи? Не разобьются ли скорѣе въ прахъ, чѣмъ принесутъ желаемые плоды, всѣ его планы и старанія при столкновеніи съ столь невѣжественною и суевѣрною массою народа? Да, нельзя сказать, что миссія духовнаго пастыря при настоящемъ уровнѣ народнаго развитія, составляетъ дѣйствительно трудъ не легкой, но нельзя такъ же отвергать и того, что при извѣстномъ усердіи къ своему дѣлу и умѣнью взяться за него, трудъ словеснаго пастыря непремѣнно

*) См. Вѣстникъ Европы за 1874 годъ кн. 6-й, во внутренн. обзор.

долженъ принести благотворные результаты. Какія средства употребляютъ наши пастыри для духовнаго просвѣщенія своихъ пасомыхъ, чѣмъ разгоняютъ тьму народныхъ суевѣрій и невѣжества? Эти средства обыкновенно и почти исключительно заключаются въ отпиряженіи богослуженія, въ различныхъ требоисправленіяхъ и въ церковномъ проповѣдничествѣ, которое состоитъ или въ чтеніи какихъ либо печатныхъ проповѣдей, или въ произнесеніи проповѣдей и собственнаго сочиненія, но сочиненія по образцу печатныхъ и, большею частію, безъ приложенія къ насущнымъ потребностямъ прихода.... Но развѣ подобная дѣятельность можетъ просвѣтить подобныя массы, погруженные въ непроглядную тьму суевѣрій и религіознаго невѣжества? Развѣ озарится душа простолюдина свѣтомъ истины отъ того, что изъ недѣли въ недѣлю, или и того рѣже побываетъ простолюдинъ въ своемъ приходскомъ храмѣ и посмотритъ на священные обряды и дѣйствія, значенія и смысла которыхъ онъ часто и не понимаетъ,—или прослушаетъ церковное чтеніе и пѣніе, неболѣе обрядовъ для него вразумительное? Да не подумаетъ читатель, что мы, говоря это, не признаемъ всей спасительности посѣщенія храма Божія для простолюдина, и отвергаемъ всякій поучительный характеръ для него христіанскаго богослуженія, — нѣтъ, мы хорошо знаемъ, насколько богослуженіе въ храмѣ и разные священные обряды и дѣйствія внѣ его возбуждаютъ и развиваютъ религіозное чувство простолюдина,—мы только хотѣли этимъ объяснить, что это чувство простолюдина, неочищенное и непросвѣт-

ленное яснымъ сознаниемъ истины все-таки не можетъ освободиться отъ нѣкоторыхъ ложныхъ представлений и суевѣрнаго отношенія къ предметамъ вѣры. Такъ, напримѣръ, что иное, какъ не просвѣщенное чувство заставляетъ простодушныхъ взывать о спасеніи къ „батюшкѣ подсвѣчнику“, къ „матушкѣ евангелю“, о чемъ упоминали въ нашей статьѣ о Блиновской богомолѣ, или же обращаться къ праздникамъ, какъ къ предметамъ такъ же одушевленнымъ, въ родѣ, напримѣръ, „матушки покровы“, „батюшки вознесенья“ и проч. и проч. что иное, какъ не тоже ли самое чувство заставляетъ придавать суевѣрное значеніе, такъ называемой, богоявленской водѣ, благовѣщенскому хлѣбу, и т. п. *)? Конечно, для религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа мы были бы въ правѣ многого ожидать отъ церковнаго проповѣдничества: но въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ, и при отсутствіи у насъ самыхъ первыхъ катехизическихъ свѣдѣній въ народѣ, оно слишкомъ мало просвѣщаетъ его. Это хорошо извѣстно всякому, кто хоть немного наблюдалъ отношенія народа къ церковной проповѣди. Въ самомъ дѣлѣ, кому не извѣстно, въ чемъ нашъ народъ полагаетъ досто-

*) Не имѣя правильныхъ понятій о церковныхъ обрядахъ, народъ готовъ усвоивать самыя нелѣпыя взгляды на нихъ, лишь бы эти взгляды легко давались. Такъ, напримѣръ, въ одномъ селѣ крестьяне высказывали мнѣ такой взглядъ на панихиду: панихида, говорили они, состоитъ изъ девяти блиновъ, потому что въ девять дней человекъ составляется. Откуда они это взяли, спросилъ я, и получилъ отвѣтъ: намъ такъ толковалъ одинъ старенькій священникъ.

инство церковной проповѣди? Это самый обыкновенный случай, когда простолюдинъ, на вопросъ хорошо ли ихъ священникъ говоритъ въ церкви проповѣдь, отвѣтитъ вамъ: хорошо, таково рѣзко, звонко, во всѣхъ углахъ слышно, словно труба какая. Если же вы спросите о самомъ содержаніи этой проповѣди: то онъ только и объяснитъ вамъ, что въ ней говорилось про божественное, а что именно, ему темному челоуѣку этого знать нельзя. Спрашивается, какое же просвѣтительное значеніе можетъ имѣть наши церковныя проповѣди, когда народъ только и любитъя внѣшнимъ процессомъ ихъ произношенія, будучи не въ состояніи понимать самаго содержанія?*)

Совсѣмъ другое значеніе для народно-религіознаго просвѣщенія имѣютъ занятія духовнаго пастыря въ школахъ,—приученіе имъ мальчиковъ къ церковному чтенію и пѣнію во храмѣ,—въ этомъ случаѣ благотѣльные результаты школы не замедлятъ обнаружиться и молодое поколѣніе очистится отъ многихъ суевѣрныхъ наклонностей и привычекъ. Но такъ какъ съ одной стороны народныя школы заведены у насъ далеко не вездѣ, хотя расположить своихъ прихожанъ къ заведенію школъ весьма много зависитъ и отъ духовнаго пастыря, а съ другой стороны чтобы, просвѣщая молодое поколѣніе свѣтомъ христіанскихъ истинъ, неоставить во мракѣ религіоз-

*) Этимъ нисколько не отрицается важности и необходимости проповѣдничества, а требуется только примѣненіе его въ степени пониманія народа, по содержанію и формѣ, и насущнымъ потребностямъ простолюдиновъ. *Прим. редакціи.*

нато невѣжества всю остальную массу народа, да и самое просвѣщеніе юношества сдѣлать болѣе плодотворнымъ и твердымъ, духовный пастырь долженъ сосредоточить всю энергію своего усердія на домашнемъ собесѣдованіи съ своими прихожанами, которое составляетъ главный и основной рычагъ пастырской миссіи, обезпечивающій ея успѣхъ уже навѣрное. И это понятно почему, — домашнее собесѣдованіе пастыря съ своими прихожанами, по своему характеру своему, необходимо предполагаетъ отношенія между ними самыя близкія, братскія и языкъ самый простой и удобопонятный, а это-то и весьма важно; мы видѣли на живыхъ примѣрахъ, какъ эти два могущественныя условія обезпечивали поразительный успѣхъ какого нибудь мужика — пройдохи, дерзнувшаго назвать себя даже самимъ Іисусомъ Христомъ и не потерять къ себѣ народнаго довѣрія, или какой нибудь крестьянской дѣвки въ родѣ, на примѣръ, Блиновской богомолки, взявшей на себя роль учительницы и привлекающей къ себѣ многочисленныя массы народныя. Впрочемъ, если бы мы и не имѣли безчисленныхъ примѣровъ, подобныхъ указаннымъ, и тогда въ пользу домашняго пастырскаго собесѣдованія, у насъ было бы подъ рукою немало самыхъ основательныхъ соображеній. Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ характерѣ пастырской миссіи пасомые уже не могутъ смотрѣть на дѣятельность пастыря, какъ на дѣятельность служебно-официальную и только формальную, по которой онъ волей неволей долженъ отбывать свои обязанности, но какъ на дѣятельность по внутреннему призванію,

вытекающую изъ безкорыстнаго источника любви къ ближнимъ и желанія имъ высшаго блага,—какъ на дѣятельность высшую, апостольскую, которая вызывается въ пастырѣ ни чѣмъ инымъ, какъ только святостью своего предмета. Отсюда, пастырская беседа, предложенная народу въ формѣ самой простой и безыскусственной, получаетъ неотразимую силу и дѣйствіе, и душа простолюдина тогда доврчиво и чистосердечно открываетъ ему свои нравственные недостатки и худыя наклонности. А это для пастыря весьма важно, потому что, зная нравственный уровень своихъ прихожанъ, онъ видитъ какую почву приходится воздѣлывать ему и какъ это удобнѣе сдѣлать. Если же, напротивъ, такихъ желательныхъ отношеній пастыря къ пасомымъ не установилось: то мы смѣло можемъ сказать, что пастырская дѣятельность будетъ тогда слишкомъ малопродуктивна,—даже и въ томъ случаѣ, когда въ приходѣ развита будетъ нѣкоторая грамотность; такъ какъ неруководимая пастыремъ она охотно будетъ кидаться на такое чтеніе, которое болѣе гармонируетъ съ народнымъ невѣжествомъ и питаетъ народное суевѣріе;—фактовъ, подтверждающихъ слова наши, можно указать безчисленное множество. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ одно село, въ которомъ находится около трети крестьянъ грамотныхъ. Но какимъ чтеніемъ они назидаются, предоставленные самимъ себѣ? Недавно, въ разговорѣ съ нѣкоторыми изъ нихъ, мнѣ пришлось коснуться исторіи паденія прародителей, но не успѣлъ я окончить свою рѣчь, какъ былъ остановленъ словами: „а ты не такъ рассказываешь про

это дѣло, сказалъ одинъ изъ нихъ, вѣдь дьяволъ—
то еще допрежъ, какъ въ змія превратится, тай-
комъ перескакивалъ чрезъ изгородь рая и оберты-
вался ворономъ, чтобъ, значить, сначала лучше все
высмотрѣть, а ангелы-то, которыхъ было послалъ
Михаила Архангель стеречь, чтобъ кто не пробрал-
ся въ рай, и проглядѣли его такимъ манеромъ“....
Я не перебивалъ крестьянина, напротивъ попросилъ
его полнѣе рассказать исторію паденія первыхъ лю-
дей и тогда я услышалъ полный рассказъ этого со-
бытія по извѣстной фантастической поэмѣ Мильтона
„Потерянный и возвращенный рай“... Тутъ же крестья-
не объяснили мнѣ, что у нихъ многіе собираются
по осеннимъ и зимнимъ вечерамъ слушать эту кни-
гу, которой они и цѣны не знаютъ *). Кромѣ того,
грамотные простолюдины съ особеннымъ увлеченіемъ
кидаются на чтеніе другихъ старинныхъ книгъ, ко-
торыя хотя по содержанію своему и имѣютъ цер-
ковно-проповѣдническій характеръ, но вмѣщаютъ въ
себѣ столько неумѣтнаго балласта, заимствованна-
го изъ древней мифологіи и отчасти исторіи, что
изъ—за него для людей необразованныхъ, незнако-
мыхъ съ умственнымъ анализомъ, пропадаетъ самое
содержаніе,—другими словами, грамотный простолю-
динъ при чтеніи подобныхъ книгъ останавливаетъ
свое вниманіе преимущественно на мѣстахъ, отли-
чающихся баснословнымъ характеромъ, какъ прямо
соотвѣтствующимъ его легендарному настроенію, по-
чему подобнаго рода чтеніе не столько просвѣщаетъ

*) Эта книга—изданіе Московское 1859 года, перепечан-
ное безъ перемѣнъ съ изданія 1850-го года.

народъ, сколько питаетъ и развиваетъ его и безъ того большія склонности къ суевѣрію и всему фантастическому. Вотъ для примѣра выдержки въ некоторыхъ мѣстѣ одной изъ подобныхъ книгъ, записанные мною со словъ крестьянъ,—выдержки, весьма убѣдительно свидѣтельствующія о томъ, что особенно можетъ интересовать полуграмотныхъ крестьянъ при чтеніи. Разъ въ разговорѣ со мною крестьяне, сожалѣя о томъ, что нынѣ вообще порядки пошли совсѣмъ не такіе, какъ было въ старину, сказали: „въ старину было и правды больше и мудрости. Вотъ къ примѣру жилъ одинъ праведный царь, который такъ строго соблюдалъ свой законъ, что не измѣнилъ его, когда провинился и собственный сынъ, а вина была большая, за эту вину слѣдовало ему оба глаза выколоть, и то царь не усомнился сдѣлать это. Только чтобы остаться и царемъ праведнымъ, и отцемъ чадолюбивымъ, онъ приказалъ своимъ рабамъ одинъ глазъ выколоть своему сыну, а другой глазъ—себѣ“. Или другой примѣръ: „Жилъ, говорили крестьяне, король Скиѣскій Перисайдъ,—когда онъ умеръ, то оставилъ послѣ себя наслѣдниками трехъ сыновей, изъ которыхъ каждый желалъ одинъ быть государемъ, отчего они всѣ трое пошли другъ на друга смертельною войною. Когда же войною ничего не сдѣлали, то избрали себѣ въ судьи другаго короля Фраческаго, который былъ друженъ съ ихъ умершимъ отцомъ. Тогда король Фрачскій сталъ думать, какъ бы смирить троихъ братьевъ—наслѣдниковъ и вотъ какую мудрую вещь онъ выдумалъ: онъ приказалъ вырыть изъ земли тѣло покой-

наго отца ихъ и повѣсить его на деревѣ, потомъ призывалъ троихъ братьевъ и сказалъ имъ: стрѣляйте, говорить, каждый изъ своего лука въ мертвое тѣло отца своего и кто, говорить, изъ васъ крѣпче ударитъ въ него, тотъ говорить, и королемъ будетъ. Тутъ первый сынъ, старшій взялъ лукъ, намѣтился и выстрѣлилъ, и другой сдѣлалъ тоже,—потомъ взялъ лукъ третій сынъ, младшій, и приготовился было выстрѣлить, а какъ увидѣлъ, куда надо было ему стрѣлять, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и выпустилъ тогда лукъ изъ рукъ своихъ. Нѣтъ, говорить, я не хочу быть королемъ за эдакое дѣло,—я лучше, говорить, отступлюсь отъ государства, нежели стану стрѣлять въ мертвого отца своего.... Что же тогда сдѣлалъ судья?—Этого послѣдняго брата и сдѣлалъ королемъ... Вотъ какъ мудро поступилъ король Фраческій. А нынѣ что?!..... А то жилъ еще другой царь, рассказывали крестьяне, по имени Мида, который больно любилъ деньги, такъ вотъ одинъ разъ и сталъ онъ молиться Богу, чтобы Богъ далъ ему такую милость—чтобы все, къ чему онъ не прикаснется, тотъ часъ же обращалось бы въ золото. Тогда Богъ сказалъ ему: смотри, говорить, Мида, не раскайся, какъ получишь отъ меня, чего просишь; но Мида тогда еще больше сталъ просить Бога, ну Богъ и исполнилъ его просьбу: къ чему царь ни прикасался, все обращалось въ золото,—прикасался къ дереву, къ камнямъ, все тотъ часъ же обращалось въ рукахъ его въ золото. Сперва царь больно было обрадовался этому, но вотъ дотронулся онъ до платья, чтобы надѣть его на себя,

а оно превратилось въ золото; дотронулся до пищи, чтобы поѣсть, а оно превратилось въ золото, хотѣлъ было выпить царскаго питья своего, а оно тоже превратилось въ золото, какъ только онъ поднесъ его къ губамъ своимъ.—Такъ что же думаешь? Такъ вѣдь съ голоду и померъ несчастный. Вотъ какъ Богъ—то дѣлаетъ! А про водяную змѣю Идру слыхаль, разъ спросилъ меня одинъ изъ грамотныхъ крестьянъ...? Это, рассказалъ онъ, змѣя о семи головахъ, первая голова у ней гордость, вторая сребролюбіе, третья—обжорство, четвертая—лѣнь—унылость, пятая—распутство, шестая—памятозлюбіе, седьмая—зависть, послѣдняя голова ядовитѣй всѣхъ, она испускаетъ изъ себя ядъ самый смертельный“... Когда я въ первый разъ услышалъ отъ крестьянъ всѣ означенные и многіе другіе рассказы, я никакъ не могъ указать откуда такой вздоръ они могли заимствовать; если судить по характеру рассказовъ, то они могли быть заимствованы развѣ изъ какой либо апокрифической книги; но что же оказалось?—Оказалось, что всѣ они заимствованы изъ книги, которая напечатана въ 1814 году, какъ значится въ ея предисловіи, и содержитъ собраніе поученій, составленныхъ епископомъ Иліею Минятіемъ Кафалонитяниномъ, и переведенныхъ съ греческаго языка на русскій неизвѣстнымъ авторомъ. Мы любопытствовали почитать эту книгу и чего—чего не нашли въ ней? Авторъ ея безъ всякаго разбора пользуется всѣмъ, что, по его мнѣнію, можетъ служить для уясненія его мысли; тутъ у него приведены—и баснь о копьѣ Ахиллеса и о Семирамидѣ, объ одноглазомъ

олень и о Диогенѣ, анекдоты объ Аристидѣ и Теми-стоклѣ, объ Александрѣ Македонскомъ и о Сократѣ, о Димосфенѣ и художникѣ Полиевктѣ, и проч. и проч. Впрочемъ, надобно замѣтить, что если бы изъ этой книги выбросить всѣ эти ненужныя примѣры и сравненія изъ древне-классическаго міра, то она могла бы съ пользою служить для народнаго чтенія, потому что изложена такимъ простымъ и живымъ языкомъ, какого только можно требовать отъ книги, предназначенной для народнаго чтенія, такъ что, по нашему мнѣнію, она могла бы съ пользою служить и для пастыря пособіемъ при его практическихъ собесѣдованіяхъ съ народомъ, между тѣмъ какъ та же книга въ рукахъ народа при указанныхъ нами недостаткахъ только поддерживаетъ его легендарныя наклонности. И подобныхъ книгъ, по всей вѣроятности, обращается въ народѣ не мало,—онѣ иногда попадаются тамъ, гдѣ ихъ вовсе и не ожидаешь. Будь отношеніе духовнаго пастыря къ пасомымъ братски—близкое и теплое, о которомъ мы упомянули выше, такія книги не могли бы скрываться въ неизвѣстности и пользоваться тѣмъ безусловнымъ довѣріемъ народа, которое они имѣютъ теперь,—тогда народъ руководился бы болѣе совѣтами и наставленіями своего пастыря, чѣмъ нуждался подобными книгами, да и самыя эти книги онъ повергалъ бы тогда на судъ своего духовнаго пастыря. Не то представляется при настоящемъ положеніи дѣлъ, и это, какъ намъ кажется, не отъ того, что у пастырей нѣтъ желанія пріобрѣсти народное довѣріе, расположить къ себѣ своихъ пасомыхъ до братскихъ от-

ношеній и бесѣдовать съ ними простымъ и удобопонятнымъ языкомъ, а скорѣе отъ того, что у нихъ недостаетъ духовно-педагогической опытности. Такъ намъ хорошо извѣстно, что одинъ изъ уважаемыхъ пастырей часто любилъ бесѣдовать съ своими прихожанами съ церковной каѳедры и старался выражаться какъ можно популярнѣе, но по неопытности въ этомъ дѣлѣ въ жару своего усердія онъ нерѣдко доходилъ до смѣшнаго и даже неприличнаго для церковной каѳедры. Напримѣръ, въ одномъ поученіи онъ такъ говорилъ о себѣ народу: „Православные! Вамъ, можетъ быть, не нравится, что я каждый разъ браню васъ за несоблюденіе вами заповѣдей Божіихъ. Но скажите, какого пса вы лучше хвалите, не того ли, который постоянно лаетъ, бѣгая вокругъ двора хозяина и тѣмъ предостерегаетъ его овецъ отъ волковъ и воровъ всякихъ? Такъ, православные, и я ничто иное есть, какъ песь лающий, желающій предостеречь васъ словесныхъ овецъ отъ духовныхъ волковъ, и т. д. въ этомъ родѣ. Впрочемъ наряду съ этимъ можно указать нѣсколько примѣровъ и плодотворной дѣятельности пастырей, даже неотличавшихся образованіемъ. Такъ, напримѣръ, въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія въ одномъ селѣ былъ священникъ, который хотя чуждъ былъ всякаго образованія, кромѣ грамотности и здраваго ума съ добрымъ сердцемъ, но столь ревностно относился къ своему званію, что пользовался у своихъ прихожанъ безусловнымъ авторитетомъ. А чѣмъ онъ пріобрѣлъ у народа столь сильный авторитетъ?—Тѣмъ, что по осеннимъ и зимнимъ вечерамъ постоянно ходилъ по

крестьянскимъ измамъ и безхитростнымъ, но задушевнымъ словамъ научалъ простодушныхъ истинамъ вѣры и христіанскому богопочтенію, отличался трезвостью и строгостью собственной жизни, а главное никогда не относился къ своимъ обязанностямъ съ формальной стороны и всегда и для всякъ былъ доступенъ, почему и брѣобрѣлъ у своихъ прихожанъ безусловное довѣріе къ себѣ, какъ истинному духовному отцу. А это помогло ему уничтожить въ своемъ приходѣ языческій обычай поклоненія хлѣбу и рожаницѣ,—вывести языческій праздникъ Ярилы, сохранявшійся въ его приходѣ, а такъ же и собранія молодыхъ людей обоого пола въ день, такъ называемаго, Ивана Купалы для увеселеній, имѣвшихъ характеръ несовмѣстный съ званіемъ христіанина. Изъ этого примѣра видно, какъ много можетъ сдѣлать для духовнаго блага своихъ посомыхъ пастырь, относящійся къ своему званію не безучастно, или формально, а съ полнымъ и неустаннымъ рвеніемъ, которымъ характеризуется всякое задушевное занятіе. Итакъ въ этомъ апостольскомъ рвеніи къ духовному просвѣщенію народа, повторимъ еще разъ, заключается весь залогъ и тайна успѣха пастырской миссіи. Мы не говоримъ, легко-ли при настоящихъ условіяхъ быта нашего духовенства посвѣщать себя апостольскимъ трудамъ въ своемъ приходѣ,—такъ, какъ это слѣдовало бы сообразно съ его званіемъ,—но дѣло въ томъ, что пока просвѣтительное дѣйствіе пастырей будетъ ограничиваться тѣмъ, чѣмъ ограничивалось доселѣ,—пока тѣ отношенія, которыя установились у насъ между

пастыремъ и пасомыми, будутъ сохраняться неизмѣнно, и пока народное образованіе не будетъ распространено, до тѣхъ поръ явленія въ народѣ такихъ людей, какъ описанный нами бродяга—самозванецъ, или тотъ неизвѣстный, который читалъ народу указъ о наборѣ крестьянскихъ дѣвицъ, точно такъ же, какъ и явленія, подобныя тому, каково явленіе, описанное въ Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, именно—битва русскихъ иконъ съ іерусалимскими, и проч.... всегда будутъ возможны, и народъ всегда будетъ готовъ отдать себя на самую грубую эксплуатацію. Опытъ столькихъ вѣковъ, кажется, достаточенъ бы убѣдить насъ въ этомъ. Не будемъ же равнодушными зрителями всѣхъ подобныхъ явленій, происходящихъ на нашихъ глазахъ въ средѣ народной и по мѣрѣ силъ нашихъ и умѣнья будемъ стараться объ ихъ искорененіи!....

П. Озерецкій.

О СТЕПЕНЯХЪ

И ВИДАХЪ РОДСТВА.

Наглядный и простѣйшій способъ опредѣлять близость родственныхъ отношеній (если они существуютъ) между лицами, желающими вступить въ бракъ.

Одинъ изъ О.о. благочинныхъ обратился къ намъ съ просьбою, повторенною потомъ и нѣкоторыми другими священниками, напечатать такую таблицу различныхъ родственныхъ связей, которою удобнѣе могли бы руководиться священники при опредѣленіи родства, не рѣдко встрѣчающагося между лицами, желающими вступить въ бракъ. О. благочинный увѣрялъ, что единственными пособіями въ данномъ случаѣ для пастырей служатъ двѣ книги. 1) „Практическое изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій въ руководство священнику на случаи совершенія различныхъ требъ церковныхъ,“—*свящ. Парвова*, и 2) „Кормчая.“ Но пособія эти частію недостаточны, частію—неудобны для пользованія. Въ книгѣ о. Парвова способъ счисленія родственныхъ степеней представленъ въ слишкомъ краткомъ видѣ

и притомъ страдаетъ нѣкоторою неопредѣленностію. Что же касается до такъ называемой Кормчей книги то во-первыхъ, писана она такимъ старымъ языкомъ, и родственныя отношенія въ ней представлены въ такомъ темномъ видѣ, что священники чрезвычайно затрудняются въ уразумѣніи истиннаго смысла этой книги; во-вторыхъ—нѣкоторыя статьи Кормчей въ главѣ о брацѣхъ* (— это 50-я гл. II части) не имѣютъ обязательной силы*); въ-третьихъ, наконецъ, далеко не всѣ церкви имѣютъ Кормчую книгу, такъ что многіе священники бываютъ вынуждены или сами обращаться за разрѣшеніемъ недоумѣній въ занимающемъ насъ) вопросѣ къ мѣстнымъ благочиннымъ, или же—что еще хуже—отсылать своихъ прихожанъ къ Преосвященному съ прошеніемъ, иногда совершенно излишнимъ, о разрѣшеніи брака въ тѣхъ или другихъ родственныхъ степеняхъ. Неправильныя дѣйствія священника въ этомъ дѣлѣ, какъ

*) Въ „чтеніяхъ Московскаго Общества Любителей духовнаго просвѣщенія“ (II кн. 1870 г.) напечатано, между прочимъ, слѣдующее мнѣніе преосв. Филарета, покойнаго митроп. Московскаго: „Коренныя правила о возбраненномъ къ браку родствѣ заключаются въ XVIII гл. кн. Левиты и въ опредѣленіяхъ шестаго вселенскаго собора, именно—правилахъ 53 и 54. Здѣсь запрещаются къ браку четыре степени родства отъ одного или двухъ родовъ, а отъ родствѣ отъ трехъ родовъ здѣсь ничего нѣтъ. За симъ слѣдуютъ правила, изложенныя въ 50 главѣ Кормчей книги, въ которой запрещеніе родства простирается до семи степеней. Сіи правила ничего не говорятъ о своемъ происхожденіи, до кромѣ одного неопредѣленнаго выраженія о родствѣ отъ трехъ родовъ: сіе въ первомъ точи степени воспрещается по закону, обычай

извѣстно, не рѣдко сопровождаются весьма неблаго-
приятными послѣдствіями какъ для него самого, такъ
и для его прихожанъ, напрасно тратящихъ дорогое
время и деньги.

Родъ есть связь всѣхъ членовъ семьи мужескаго
и женскаго пола, отъ одного общаго родоначальника
происходящихъ, хотя бы и не всѣ изъ нихъ носили
его имя или прозваніе *). Наприм., внукъ не носить
имени дѣда или прадѣда; женщина по тѣмъ выходѣ за
мужъ, теряетъ родовую фамилію, (прозваніе); но ни
тотъ, ни другая никогда не разрываютъ (de jure)
родственной связи съ родоначальникомъ и членами
того рода, къ которому они принадлежать по своему
происхожденію (рожденію).

Убо запрещаетъ и прочее. Сіе неопредѣленное указаніе на
законъ можетъ относиться къ седьмой грани закона град-
скаго въ той же кормчей. Въ греческой Кормчей (Пидамонъ)
сіи правила не названы правилами, а ученіемъ, и сказано,
что оно, большею частію, заимствовано изъ гражданскихъ
законовъ. И потому—то св. синодъ въ 1810 году, усмотрѣвъ
отъ чрезмѣрнаго родства затрудненія въ составленіи браковъ
въ селеніяхъ малолюдныхъ и мелкопомѣстныхъ, оставя не-
поколебимыми правила шестаго вселенскаго собора, прочія
правила 56 главы Кормчей книги не призналъ строго обя-
зательными, и дозволилъ Епархіальнымъ Архіереямъ разрѣ-
шать браки въ пятой и шестой степени родства отъ одного
и отъ двухъ родовъ.“

*) См. Закон. Росс. Имп. Изд. 1857 года том. X. ч. 1.
ст. 196.

Родство раздѣляется на два вида; оно бываетъ: 1) *однородное*, или *кровное* и 2) *разнородное*, называемое иначе *свойствомъ*, по славянски—*близочествомъ* *). Однородное родство, которое есть родство въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, ограничивается членами *одного* рода, или семьи, имѣющей *одного* общаго родоначальника на прим. внуки одного дѣда, внукъ и дѣдъ, происходящіе также отъ одного лица, которое по отношенію къ первому называется прадедомъ, по отношенію ко второму—отцомъ. Разнородное родство, или свойство образуется отъ соединенія *нѣсколькихъ* родовъ (изъ которыхъ каждый имѣетъ *своего* родоначальника) посредствомъ брачныхъ сопряженій. Свойство это называется *двухроднымъ*, когда только *два* рода роднятся между собою, таково на прим. родство между мною и моимъ отчимомъ **), между моею сестрою и сестрою моей жены ***). Когда же въ родственную связь вступаетъ *три* рода, свойство между ними называется *трехроднымъ*, на прим. свойство между моею мачихою и братомъ моей жены ****).

*) Свойство—*affinitas* называется такъ потому, что въ немъ родственники разныхъ родовъ не составляютъ одного рода, а только чрезъ супружество нѣкоторыхъ изъ нихъ лицъ взаимно сближаются (*affines*). Прав. Обзор. 1859. Ч. II стр. 409.

**) Я и отецъ мой принадлежимъ къ *одному* роду, отчимъ мой, или второй мужъ моей матери—*другаго* рода, хотя нельзя сказать такъ: „мать моя *одного* рода, а второй мужъ ея—*другаго*; пот. что мужъ и жена составляютъ одну плоть и между ними родство не считается.

***) Сестра моя и я—*одного* рода, жена моя и ея сестра—*другаго*.

****) Моя мачиха *одного* рода, я съ отцомъ моимъ *другаго*, а жена моя и ея братъ—*третьяго*.

Близость родства опредѣляется *линіями* и *степенями* ¹⁾.

Степенью называется связь одного лица съ другимъ посредствомъ рожденія, а рядъ такихъ степеней, идущихъ непрерывно, составляетъ *линію* ²⁾. Наприм. между мною и отцомъ моимъ *степень*, между мною и моимъ прадѣдомъ—*линія*.

Линіи суть трехъ родовъ: нисходящая, восходящая и боковыя ³⁾.

Нисходящая линія составляется изъ степеней или рожденій, простирающихся отъ даннаго лица къ его сыну, внуку, правнуку, и т. д., къ его потомству ⁴⁾.

Линія восходящая составляется изъ степеней, идущихъ отъ даннаго лица къ его отцу, дѣду, прадѣду, и т. д. къ его предкамъ ⁵⁾.

Въ нисходящей и восходящей линіи считается столько степеней, сколько есть рожденій.

Посему въ нисходящей линіи сынъ занимаетъ первую степень, внукъ—вторую, правнукъ—третью и т. д.; въ восходящей первую степень занимаетъ отецъ, вторую—дѣдъ, третью—прадѣдъ и т. д. ⁶⁾.

Боковыхъ линій указано въ сводѣ законовъ *три*:

Первая боковая линія исходитъ отъ первой восходящей степени, т. е. отъ отца и матери даннаго

¹⁾ Св. закон. Т. X. ч. 1. ст. 197.

²⁾ Тамъ же, ст. 198.

³⁾ Тамъ же, ст. 200.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 201.

⁵⁾ Тамъ же, ст. 202.

⁶⁾ Тамъ же, ст. 203.

лица, и простирается къ братьямъ и сестрамъ его, отъ нихъ къ племянникамъ и т. д. ¹⁾).

Вторая боковая линія исходитъ отъ второй восходящей степени, т. е. отъ дѣда и бабки, и простирается къ дядѣ даннаго лица, отъ него къ двоюродному его брату и т. д. ²⁾).

Третья боковая линія исходитъ отъ третьей восходящей степени, т. е. отъ прадѣда и прабабки, и простирается къ ихъ нисходящимъ ³⁾).

Въ боковыхъ линіяхъ, точно такъ же, какъ и въ прямыхъ (нисходящей и восходящей) степени считаются по рожденіямъ, начиная отъ даннаго лица и восходя по прямой линіи къ общему родоначальнику, а отъ него, переходя по линіи нисходящей, къ тому родственнику, коего степень родства отъискивается. Посему два родные брата находятся во *второй* степени, (пот. что между ними посредствовало *два* рожденія); дядя и племянникъ въ третьей, двоюродные братья въ четвертой, сынъ двоюроднаго брата въ пятой, внукъ двоюроднаго брата въ шестой, и т. д. ⁴⁾).

Сверхъ того, при счисленіи степеней родства надобно замѣтить слѣдующія общія положенія, основанныя на естественныхъ началахъ:

1) Мужъ и жена не имѣютъ между собою раздѣльной степени, такъ какъ мужъ и жена составляютъ одну плоть; потому и въ отношеніи къ другимъ род-

¹⁾ Тамъ же, ст. 205.

²⁾ Тамъ же, ст. 206.

³⁾ Тамъ же, ст. 207.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 204.

ственникамъ, мужъ и жена всегда считаются въ одной степени.

Но надобно замѣтить, что бракъ совокупляя двухъ лицъ различнаго пола какъ бы въ одну плоть, не превращаетъ, однакожь, двухъ родовъ въ одинъ родъ, такъ что родственники мужа по отношенію къ его женѣ и родственникамъ послѣдней *) составляютъ *иной* родъ. Такъ напр. пасынокъ состоитъ съ своею мачихою въ первой степени, точно такъ же, какъ и съ своимъ отцомъ; но по отношенію къ отцу онъ въ однородномъ родствѣ, по отношенію къ мачихѣ въ двухродномъ; между мужемъ и женою съ одной стороны, и отцомъ жены съ другой одна степень, но мужъ съ отцомъ своей жены (тестемъ) состоитъ въ двухродномъ родствѣ, жена же съ своимъ отцемъ, разумѣется—въ однородномъ.

2) Сыновья, равно какъ и дочери, всегда считаются въ первой степени къ своему отцу и матери, сколько бы ихъ ни было, а не такъ, чтобы напр. пятый сынъ считался въ пятой степени по отношенію къ своимъ родителямъ; потому что здѣсь принимаются во вниманіе рожденія не предшествовавшія, а только *посредствовавшія* въ происхожденіи одного лица отъ другаго, а между родителями и ихъ сыномъ или дочерью посредствуетъ *одно* рожденіе.

3) Родные братья и сестры всегда полагаются во второй степени въ отношеніи другъ къ другу, сколько бы ихъ ни было. Точно также и такъ называемые

Сюда, конечно, не относятся родственники, происшедшіе отъ нея самой—послѣ ея брака съ мужемъ, по которомъ идетъ рѣчь.

сводные братья и сестры *) считаются какъ родные **) въ *двухъ* степеняхъ, но конечно не однороднаго, а *разнороднаго* родства или свойства.

4) Родственные лица женской линіи считаются такимъ же порядкомъ и въ тѣхъ же степеняхъ, какъ и по мужской линіи.

5) Кругъ родства ограничивается только семью степенями; такъ какъ уже не возможно, по законамъ природы, чтобы кто либо переживалъ седьмую степень нисходящаго родства; слѣдовательно и нѣтъ нужды опредѣлять родственныя отношенія далѣе этой степени; такое опредѣленіе было бы слишкомъ затруднительно и выходило бы изъ предѣловъ естественныхъ правъ родства въ боковыхъ линіяхъ; ибо взаимныя отношенія родства послѣ семи степеней были бы уже слишкомъ отдаленны, чтобы опасаться между ними противуестественнаго смѣшенія крови, или чтобы на нихъ основывать какія либо права. Поэтому для родственныхъ отношеній далѣе семи

*) *Сводными* братьями и сестрами называются дѣти отъ *разныхъ* отцовъ, но отъ *одной* матери, или отъ *одного* отца, но *разныхъ* матерей. Это бываетъ: когда вдова, вступая во второй бракъ, имѣетъ дѣтей отъ перваго мужа, или когда мужъ вдовый, имѣя дѣтей отъ первой жены, вступаетъ въ новый бракъ. Эти приведенные мужемъ или женою дѣти съ дѣтьми, послѣ отъ нихъ родившимися и называются между собою *сводными* братьями и сестрами.

**) См. Моск. Еп. Вѣд. 1870. № 26. „Практич. изложеніе церковно — гражд. постановленій“ — *связи*. Парвова, стр. 137. Прав. Обзор. 1859. ч. II. стр. 411. Кормчая, ч. II. гл. 50.

ЗАМѢТКИ.

Въ статьѣ „Бродяга, назвавшійся Христомъ“, авторъ, говоря о средствахъ къ усилению просвѣтительнаго и религіозно-нравственнаго вліянія приходскихъ пастырей на народъ—однимъ изъ такихъ средствъ признаетъ бесѣды пастыря съ прихожанами. Считая эти бесѣды средствомъ дѣйствительно пригоднымъ для своей цѣли, мы, на основаніи многихъ данныхъ, можемъ замѣтить, что пользу этихъ бесѣдъ сознали, наконецъ, и самые прихожане и считаютъ ихъ лучшею миссіей, какаѣ въ настоящее время только нужна для простаго народа. Такъ, по поводу рѣчи бывшаго ректора С.-Петербургской семинаріи, архимандрита Хрисанѣа, при нареченіи его во епископа, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ было помѣщено письмо, подписанное Сыромятниковымъ, Кокоревымъ и Бѣловымъ, принадлежащими въ Московскому торговому міру,—письмо, въ которомъ они прямо и ясно говорятъ, какъ полезны и важны эти бесѣды. Вотъ что говорится въ этомъ письмѣ. „Дѣйствительно, для насъ, простаго народа, нужна особая миссія; но такую миссію устроить не трудно: не нужно для устройства ея составлять проекты, писать уставы; требуется только одно—не чуждаться насъ, подойти къ намъ поближе, заняться нами. Повѣрьте, мы съ любовію будемъ слушать и усваивать все, что для насъ нужно и полезно. По нашему мнѣнію, одна изъ лучшихъ миссій среди насъ—бесѣды пастырей съ нами. Эти бесѣды принесутъ большую пользу для умственнаго и нравственнаго нашего просвѣщенія. Говоримъ объ этомъ мы не голословно, а убѣдившись на опытѣ. Нуженъ примѣръ—онъ готовъ. Достоуважаемый отецъ протоіерей матросской богадѣльни, Д. Г. Богоявленскій, этотъ неутомимый труженикъ, четвер-

тый годъ ведетъ публичныя бесѣды съ нами, простолюдинами. Сколько принесли пользы эти бесѣды для нашего умственнаго и нравственнаго просвѣщенія, это мы видимъ на себѣ, видимъ на нашихъ товарищахъ, видимъ и на всѣхъ, кто только приходитъ на эти бесѣды, а приходятъ изъ отдаленныхъ мѣстностей Москвы. Читая эти строки, можетъ быть, найдутся люди, которые не повѣрятъ словамъ нашимъ, усомнятся въ плодотворности этихъ бесѣдъ,—такимъ людямъ мы сказали бы то, что сказалъ Филиппъ Наоанаилу: приди и виждь! Мы просили бы такихъ придти въ тотъ храмъ, гдѣ совершаетъ божественную службу глубокочтимый нами отецъ протоіерей, и они увидѣли бы храмъ, наполненный молящимися сознательно; мы просили бы такихъ придти на бесѣды, которыя онъ ведетъ съ нами, и они увидѣли бы признательное вниманіе слушающаго народа. Да, бесѣды пастырей съ нами, простолюдинами, самая лучшая миссія для насъ; и онѣ, эти бесѣды, принесутъ, безъ всякаго сомнѣнія, обильные плоды, потому что мы, простой народъ, почва, смѣемъ увѣрить, хорошая—воспріимчивая, благодарная; нужно только побольше работниковъ, побольше бесѣдъ, подобныхъ тѣмъ, какія ведетъ многоуважаемый отецъ протоіерей. Тогда массы народа пойдутъ по прямому, истинному пути, не будутъ скитаться въ горахъ и дебряхъ, не будутъ увлекаться „всякимъ вѣтромъ ученія.“ (Ряз. Епарх. Вѣдом.). Вотъ и другой фактъ. Въ Кіевской епархіи одинъ изъ сельскихъ священниковъ открылъ, одъ съ разрѣшенія высокопреосвященнаго, воскресныя бесѣды съ прихожанами. Бесѣды устрояются въ послѣобѣденное время въ домѣ церковно-приходскаго училища. Первое впечатлѣніе было самое благопріятное: прихожане видимо обнаруживали интересъ и вниманіе къ объясненіямъ священника и не разъ обращались къ нему съ вопросами для поясненія той или другой части бесѣды и для разрѣшенія разныхъ недоумѣній, напр., отчего встрѣча съ священникомъ принимается за дурное предзна-

менованіе, можно ли считать за грѣхъ работать по пяткамъ и т. под. Замѣчательно, прибавляетъ корреспондентъ извѣстія, что все вопросы предлагались въ порядкѣ, по одиночкѣ, безъ шума и крика; отвѣты выслушивались съ особеннымъ вниманіемъ, иногда какъ будто съ нѣкоторымъ удивленіемъ.— Подобныя бесѣды могутъ вообще имѣть огромное образовательное и нравственное значеніе какъ въ селахъ, такъ и въ городахъ, гдѣ большинство рабочаго, мастероваго люда посвящаетъ свой праздничный досугъ безобразнымъ оргіямъ, пьянству, за неимѣніемъ другаго болѣе приличнаго развлеченія. (Орл. Еп. Вѣд.).

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“ сообщаетъ, что на дняхъ состоялось опредѣленіе Св. Синода о видоизмѣненіи обычая украшать дома „березками“ въ праздникъ Св. Троицы,— обычая, соединеннаго съ систематическимъ лѣсоистребленіемъ. Признавая своевременнымъ принять мѣры противъ нерасчетливаго пользованія лѣсами, статсъ-секретарь Валуевъ просилъ г. оберъ-прокурора предложить на обсужденіе Св. Синода вопросъ о необходимости предписать всему духовенству, чтобы храмы въ день Св. Троицы, а равно и въ другіе праздники украшались цвѣтами, кустарными и полукустарными растеніями, вѣтвями; но отнюдь не молодыми деревцами березы, и вообще не деревцами какихъ бы то ни было породъ. Св. Синодъ постановилъ: принимая во вниманіе, что украшеніе каждагодно въ день Св. Троицы храмовъ, жилыхъ помѣщеній и разныхъ предметов молодыми деревцами березы и другихъ породъ установленъ не церковными правилами, а народнымъ обычаемъ, Св. Синодъ находитъ, что принятіе мѣръ къ искорененію сего обычая, вреднаго по отзыву министра государственныхъ имуществъ для отечественнаго лѣсоводства, зависитъ отъ подлежащаго гражданскаго начальства. Въ видахъ же содѣйствія со стороны духовнаго начальства къ искорененію сего обычая, Св. Су-

нодь опредѣляетъ: поручить православному духовенству при всякомъ удобномъ случаѣ, объявляя прихожанъ о могущемъ послѣдовать вредѣ для лѣснаго хозяйства отъ истребленія молодыхъ деревь березы и другихъ породъ для украшенія храмовъ въ нѣкоторые праздничные дни, убѣждать прихожанъ, чтобы они, для украшенія храмовъ въ день Св. Троицы, а равно и въ другіе праздники употребляли цвѣты, кустарныя и полукустарныя растенія, вѣтви деревь и т. п.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Отъ редакціи Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.
Совѣтъ Пензенскаго епархіальнаго женскаго училища отношеніемъ, отъ 2 Апрѣля 1875 года за № 13, увѣдомиль оную редакцію, что деньги **331 руб. 28 коп. и 5 руб.**, при отношеніи за № 11 отъ 10 марта 1875 года, оставшіяся по редакціи Пензенскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1874 г., Совѣтомъ училища получены и на приходъ въ книгу—1-ья подъ № 77, а 2-ья 91 записаны.

Отъ редакціи Церковнаго Вѣстника. 1. Редакція „Церковнаго Вѣстника“ симъ извѣщаетъ тѣхъ подписчиковъ, требованія которыхъ получены ею послѣ 5-го апрѣля, что она приступила къ **третьему** изданію первыхъ пяти книжекъ „Христіанскаго Чтенія“, которыя и будутъ высланы имъ не позже 15 будущаго іюня, вмѣстѣ съ іюньскою книжкою приложеній. 2. Годовая подписка на 51 номеръ „Церковнаго Вѣстника“ съ 12-ю книжками „Христіанскаго Чтенія“ продолжается. Цѣна 7 руб. съ пересылкою. 3. Привимается подписка и на второе полугодіе, только на одинъ „Церковный Вѣстникъ“ (26 номеровъ) безъ приложеній; цѣна 3 руб. съ пересылкою.

Адресоваться: въ С.-Петербургскую духовную академію, въ редакцію „Церковнаго Вѣстника и Христіанскаго Чтенія“.

3) Изданія законоучителя Константиновскаго Межеваго Института, священника, маистра, Андрея Полотебнова:

1) Дѣянія Святыхъ Апостоловъ на Славянскомъ и Русскомъ нарѣчій ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИСТОЛКОВАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ. Выпускъ первый 1875 г. Ц. 75 к., съ п. 1 р.

2) Соборныя посланія Апостола Любви Св. Іоанна Богослова—I, II, III,—на Славянскомъ и Русскомъ нарѣчій; съ предисловіями и подробными объяснительными примѣчаніями. ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ съ отдѣльнымъ приложеніемъ научныхъ указаній. 1875 г. Ц. 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

3) Св. Евангеліе отъ Луки, православное критико-экзегетическое изслѣдованіе противъ Ф. Х. Баура. 1873 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

4) Мессіанское значеніе типологическихъ псалмовъ, по Генгестенбергу. 1873 года. Ц. 50 коп. съ перес. 65 коп.

5) О призываніи Святыхъ въ молитвахъ нашихъ (изъ писемъ истиннаго друга) 1863 г. Ц. 25 к. съ п. 35 к.

6) Пророческія книги Вѣтхаго Завѣта, изъ академическихъ чтеній Филарета митрополита Московскаго. 1874 г. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

7) Историческія свидѣтельства объ изученіи библіи, въ хронологическомъ порядкѣ. 1875 г. Ц. 10 в. съ пер. 15 к.

Продаются у издателя (ВЪ МОСКВѢ, на Старой Басманной ул. противъ ц. Никиты Мученика) и въ книжныхъ магазинахъ **МОСКВЫ**: Общества люб. духовн. просвѣщенія, Чернопонтова, Соловьева и Салаева.

При выискѣ отъ издателя означенныхъ книгъ вмѣстѣ присылають только 5 руб.

ОГЛАВЛЕНИЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

1., Бродяга, назвавшийся христомъ, **П. Озередкаго**. 2., О степеняхъ и видахъ родства, **Н. Смирнова**. 2., Замѣтки. 4., Объявленія. 5., Инструкціи инспектору классовъ, начальницѣ, воспитательницамъ, дѣлопроизводителю и эконому епархіального женскаго училища (въ приложеніи).

Редакторы, Преподаватели духовной Семинаріи: { **А. Поповъ.**
Н. Смирновъ.

Подписка принимается въ Пензѣ, у
пр. Пензенской Семинаріи.

Цена годового выпуска 10 экземпляровъ
безъ доставки 4 р. 50 к. съ пере-
сылкою 5 руб.

1 Юля № 13. 1875 г.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ.

УКАЗЫ СВЯТЫЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУВНОДА

Отъ 4 Апрѣля 1875 г.—Василемъ печатанія извѣстій
о ваканціяхъ казенныхъ въ духовныхъ семинаріяхъ.

Дозволено цензурою. Пенза, 1875 г. Юня 15 дня.

Цензоръ: Учитель Семинаріи, Священникъ М. Шестаковъ.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.